

Камиль Гижицкий

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ОХОТЫ

DirectMEDIA

Камиль Гижицкий
Экзотические охоты

«Директ-Медиа»

1927

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)6-4

Гижицкий К.

Экзотические охоты / К. Гижицкий — «Директ-Медиа», 1927

ISBN 978-5-4499-3856-5

«Экзотические охоты» Камиля Гижицкого — это прежде всего интересные и осмысленные наблюдения естествоиспытателя, учёного и путешественника, совершённые за много лет пребывания в зимней тайге Саянских Гор и Горного Алтая, в африканских джунглях, в пустынях, горах и степях Монгольского Алтайского Гоби. Это встречи с дикой природой, её тайнами и загадкам, с удивительными людьми и необычной жизнью людей, связанной с природой. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)6-4

ISBN 978-5-4499-3856-5

© Гижицкий К., 1927
© Директ-Медиа, 1927

Содержание

Мои первые охоты на крупного зверя	6
В Азии	9
Аргали	9
Волки	15
Маралы[17]	18
Горные козлы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Камиль Гижицкий

Экзотические охоты

© Перцовский Ю. И., Кулик В. Н., текст, 2023

© Перцовский Ю. И., перевод, 2023

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2023

Мои первые охоты на крупного зверя

Был прекрасный, ясный июньский день. Я выбежал с веранды и углубился в густые заросли большого сада, который так непроницаемо окружал просторный, деревянный дом моей бабки, что со стороны улицы была видна только высокая, покрытая дранкой, кровля усадьбы.

Мне еще было неполных пять лет, и я до сих пор жил в большом, шумном городе, и для меня это деревенское затишье было чем-то совершенно новым, полным сюрпризов и удивительных открытий.

Бегая босиком по мягкой, росистой траве, которая словно пушистый ковер покрывала землю сада, носился я сквозь кусты смородины и крыжовника, рылся среди лопухов, взбирался на яблони, широко раскинувшие свои ветви, и стройные груши или собирал янтарные капли смолы с гладких стволов черешен.

Я здесь был только две недели, но знал в этом саду уже каждое дерево, каждый куст, мне было известно, где растет малина, знал все птичьи гнезда, от меня не скрылось даже дупло, в котором обитает семья рыжих белок.

Огород, находящийся позади дома, меня не слишком интересовал, может, потому что узкие тропинки между грядками не давали такой свободы движений, какая была возможна в саду. Рядом с окружающими дом цветочными клумбами и куртинами высокорослых роз, растущих по обеим сторонам веранды, я проходил осторожно, потому что здесь кишело от пчел. Бабка заботливо охраняла этих насекомых и ставила мне в пример их трудолюбие. Я не испытывал к ним большого доверия, и только из-за большого желания понаблюдать за ними вблизи, расплачивался жгучей болью и опухолью щеки и глаз.

За садом и огородом находился достаточно крутой каменистый откос, который спускался вниз, на большой луг, а с него на общинное пастбище. Склон, поросший чащей лещины, пересекал как просека деревянные ступени, которые связывали ведущую от дома дорожку с калиткой в заборе, ограждающую сад от луга.

Нарезавшись вволю в саду, я обычно садился на самой высокой ступени этой лестницы – оттуда, простираясь прекрасный вид на луг, пастбище и синеющую вдали линию тополей, растущих над рекой.

На лугу было пусто, сочную и буйную траву скосили неделю назад, а высушенное теплыми лучами июньского солнца сено сложили в высокие копны. Далеко, почти на самой середине пастбища, было видно несколько коров, а группка пастухов сидела на склоне, похоже, развлекаясь беседой.

Я так сидел долгое время, вслушиваясь в радостное щебетание птиц в саду и лещине, наслаждаясь теплым весенним ветром, насыщенным одуряющим ароматом высушенного сена, когда внезапно на лугу, у копёшки, расположенной едва в нескольких шагах от забора, почти напротив лестницы, заметил аиста. Огромная птица, свободно, с достоинством, высоко поднимая тонкие, длинные, покрытые красной кожей ноги и ставя их осторожно на землю, молниеносным движением вытягивала шею и длинным, острым, красным клювом хватала какую-то добычу, высмотренную в отрастающей траве.

На пахнущем сене должно быть было много кузнечиков и других насекомых, а у подножья копны скрывалось, наверное, достаточно жаб, мышей и ящериц, так как аист и не думал уходить, и, огибая стог, раз за разом вылавливал из него какое-то лакомство.

Для меня, мальчика, воспитанного в городе, который никогда еще в такой близости не видел аиста, эта прогулка птицы около копны сена была исключительно интересной. В каждом своем обходе вокруг копны аист исчезал на несколько минут за копной, но вскоре снова выходил из-за нее, и какое-то время был у меня на виду, что позволяло хорошо его разглядеть.

Внезапно блеснула у меня удивительная мысль – схватить этого аиста, унести к себе домой, приручить, а потом гулять с ним, как многие люди гуляют с собаками, мысль эта возникла, похоже потому, что в моем воображении жили красочные описания путешествия в Африке и охоты на диких зверей, в том числе на страусов, читаемые мне каждый вечер после ужина бабкой, горячей любительницей литературы о путешествиях и приключениях.

Мысль родила немедленное желание действовать. В описаниях, читаемых мне бабушкой, охотники ставили на зверей ловушки, ловили их в ямы или сети, пользуясь при этом большим количеством местных жителей, которые загоняли зверя, я же располагал только собственными руками и мог рассчитывать только на себя. Не принимая такого положения вещей близко к сердцу, я выжидал, когда аист в своем круговом движении скроется за копной, и, соскользнув по поручням лестницы вниз, вынул затычку, держащую калитку на запоре, после чего спрятался за столбом. Ожидание нового появления птицы, которой потребовалось несколько минут для обхода копны, показалось мне вечностью. С бьющимся сердцем, и со вздохом облегчения я заметил её, появляющуюся из-за стога. Аист шел медленно, степенно, как бы играючи, хватал добычу то с сена, то с травы. Один раз даже пробежал несколько шагов, чтобы поймать большого кузнечика, летящего низко, а потом снова приблизился к копне и вскоре исчез за ней.

Я только и ждал этого! Осторожно открыл калитку, выбежал на луг и несколькими прыжками достиг копны, двигаясь сразу же следом за аистом. Я был босиком, а мягкие молодые всходы заглушали мои шаги, и потому бесшумно двинулся вперед, ссутуленный, затаившийся, готовый к быстрым действиям.

В какой-то момент, при движении вокруг копны, я заметил тут же, перед собой, черные концы крыльев и две длинные, тонкие, красные ноги. Я прыгнул как кошка и в то же самое мгновение пальцы моих рук стиснулись изо всех сил высоко на ногах птицы.

Атака была совершена так быстро и четко, что аист сразу не понял, что с ним случилось. Только немного погодя начал он бить крыльями и раз за разом ударять клювом вслепую за собой.

Руководимый совершенно безотчётливо, по-видимому, только инстинктом самосохранения, я опустился спиной на траву, перевернул птицу на себя и спрятал голову в перьях хребта. Аист теперь не мог меня ударить клювом в голову, не мог так же совершить никаких повреждений крыльями.

Собираясь на первую мою охоту на такого большого зверя, каким был для меня аист, я не имел, разумеется, никакого плана и охотничьего опыта. Хотел поймать птицу и приручить – это мне казалось таким легким и простым, как съедение куска пахучего деревенского хлеба, щедро намазанного свежим маслом. Но теперь, лежа на траве и прижимая к себе добычу, которую судорожно держал за ноги в месте, где заканчиваются перья и начинается голая красная кожа – я не знал, что дальше делать. Аист был слишком тяжелым, чтобы можно было подняться вместе с ним, но в то же время я знал, что, если только отодвину голову, птица тотчас же ударит меня своим крепким, острым клювом.

Оставалось только одно – звать на помощь. Очевидно, что это не был поступок, достойный охотника на крупного зверя, однако я не знал другого выхода. Зная, что бабка должна быть на веранде или на огороде, я несколько отодвинул голову, чтобы перья не заглушали мой крик, и... ужасно крикнул, потому что в этот самый момент что-то – как если бы острый нож – ударило меня болезненно в руку. А потом я начал орать, как будто с меня сдирали кожу, потому что на мои руки свалился град ударов, от которых я корчился в муках. Казалось мне, что сотни толстых гвоздей, вбиваемых в тело, разрывают мне руки, срывают кожу, вырывают куски мяса. Потом почувствовал, что что-то теплое течет по моим рукам, пальцы начали неметь, и в конце концов ослабели. Аист вырвался, ударил крыльями и уже спустя мгновение спокойно кружил над лугом.

Первые охоты на крупного зверя вспоминаются мне до сих пор, так как еще видны шрамы на руках.

В Азии

Аргали

Я сидел в гостеприимном шатре князя Ачиту-вана¹, куря монгольскую трубку и попивая кумыс, когда внезапно перед юртой появился монгол на покрытом пеной коне, быстро соскочил с седла, бросив в руки подбегающего слуги чумбур² от узды. Спустя мгновение в юрту вошёл чиновник князя, сообщив о прибытии зрителя княжеских стад, пасущихся на летних пастбищах.

Ачиту-ван благосклонным движением руки дал знак, разрешающий гостю войти.

В то же мгновение порог юрты переступил молодой, коренастый монгол, одетый в длинный зелёный терлик³, перевязанный шёлковым поясом. Молодой человек имел на голове высокую остроконечную монгольскую шапку, завершённую большим шаром молочного цвета, означающим степень дзандина, т. е. подпоручика. Монгол остановился тут же у порога юрты, присел на землю, смиренно склонившись перед князем, раз за разом прикладывая руки к груди.

– Сайн⁴ – молвил тихо князь.

– Сайн, сайн байна – ответил гость, затем в коротких словах начал рассказывать, что огромное стадо аргали (горных козлов) остановилось на склонах гор, отстоящих от ставки князя на добрый час езды.

Князь был страстным охотником, и потому, тоже с улыбкой предложил вылазку в горы, принятую мною с радостью.

Я уже многократно охотился на аргали в окрестностях Улаангома, потом в Алтайских горах, однако, никогда не видел монголов, охотящихся на этого прекрасного зверя с луком, традиционным монгольским оружием, поэтому попросил князя, чтобы он позволил своим лучникам принять участие в охоте.

Ван отдал соответствующие распоряжения своему дзакирокчи⁵ и вскоре перед шатрами князя ожидало несколько десятков всадников, фантастически выглядящих в своих монгольских нарядах. Часть из них была вооружена российскими военными карабинами, часть старыми германским маузерами, около десяти имело луки и сабли.

Кавалькада сорвалась сразу в карьер. Кони фыркали, суля нам хорошее предзнаменование и утопали в буйной высокой траве; перед нами расстилалась безбрежная степь, покрытая холмами, переходящими где-то вдаль в длинные, резко вырисовывающиеся горные цепи.

Среди зелёных трав здесь и там появлялись белые пятна больших стад баранов, порой тянулись табуны коней, которых гнали полуголые конюхи, держа в руках длинные жерди с

¹ Ван – князь (Дзун-ван, дородз-дзун-ван, т. е. II степень в иерархии монгольских князей). Ачиту-ван имел еще титул дзан-дзина, так называемого генерала. Ван имел на шапке большой коралл, символ высокого звания, седло, чепрак и узду на коне также красные.

² Чумбур – длинный ремень, используемый монголами для привязывания коня.

³ Терлик – монгольская национальная верхняя одежда (род халата).

⁴ Сайн (монг.) – обычное монгольское приветствие. Гость, входящий в юрту, приветствует хозяина словами: «Сайн байна», что означает «Всё ли у тебя хорошо? Хозяин отвечал: «Сайн байна», всё хорошо. После приветствия с хозяином, каждый монгол спрашивает о здоровье табунов коней, стад овец и коров, потом только о здоровье хозяина, в самом же конце, в самой сдержанной форме интересуется здоровьем хозяйки и её детей. В отношении детей князя монголы никогда не приветствуют их первые словами, ожидая, что князь отзовется первым, также не задают вопросов, касающихся здоровья стада.

⁵ Дзакирокчи – помощник Вана в военных вопросах. Носил на шапке голубой непрозрачный шарик: был князем низшей степени, исполнял власть чисто военную, не вмешиваясь в дела гражданской администрации, которой наивысшим представителем после Вана был тусулакчи.

петлями на конце, так называемые урги для ловли коней, порой снова были видны размеренные караваны верблюдов с обвисшими горбами или купцы, перевозящие товары на вьючных конях и длинноволосых сарлыках⁶.

В воздухе пролетали стаи гусей и уток, порой как белый цветок в воздухе плыл лебедь, а около ручьёв и частично высохших болот бродили чёрные аисты, кулики или орали фальшивыми голосами жёлтые утки, называемые монголами «Лама» и считаемые ими святыми.

Множественно перебежали нам дорогу ловкие антилопы, дзерены⁷; эти прекрасные животные, видя наш приближающийся отряд, начали словно с удивлением приглядываться к коням и людям, затем беспокоиться, наконец, резво сорвались бежать, пересекая нам дорогу.

Ачиту-ван не позволил своим монголам стрелять по дзеренам из огнестрельного оружия, однако сам взял большой монгольский лук из рук личного охранника и направил коня в сторону антилоп. Сопровождающие нас монголы двинулись отдельными группками таким образом, что стадо дзеренов, верное своему обычаю «перебегания дороги», должно было миновать каждую отдельную группу, приближаясь к нам на двадцать – пятьдесят шагов. Ван стрелял из лука феноменально. Выбирал он всегда самого значительного самца и слал в него неминуемую стрелу, которая входила почти полностью в тело животного. Попробовал и я лук, но то ли по неопытности, то ли из-за недостатка силы, мои стрелы пролетали не далее двадцати шагов, плашмя падая на землю. Только однажды – по-видимому, случайно – одна из стрел, выпущенных мною, попала в бедро дзерена. Зверь упал на землю, но спустя мгновение поднялся и побежал за стадом, однако сильно прихрамывая. Несколько монголов пустилось за ним в погоню и, спустя несколько минут, одному из сопровождающих нас улачен⁸удалось уургой поймать дзерена.

Множественно прежде видывал я в Монголии стада дзеренов, насчитывающие 60–150 особей, рассказывали мне однако, что в менее населённых районах Гоби встречались стада, насчитывающие несколько тысяч голов.

Мясо дзерена очень вкусное, шкура используется для разных изделий; китайские купцы, путешествующие зимой по Монголии, часто носят «дохи»⁹из шкур этих животных.

Дохи эти, похоже, очень тёплые. Въезжая в окрестность очень гористую, мы были должны приостанавливать лошадей, потому что всё подножье горы было усеяно норами тарбаганов. Это разновидность сурка, живущего в несметном количестве в Монголии. В некоторых местностях подножия гор бывают так изрыты норами, в которых живут тарбаганы, что ноги коней постоянно попадают глубоко в землю, угрожая переломами. На этих сурков монголы охотятся повсеместно, во-первых, из-за вкусного мяса, во-вторых, из-за меха, охотно покупаемого китайцами. Монголы, охотясь на тарбаганов, редко используют огнестрельное оружие, убивая неповоротливых, жирных зверьков палками.

Объехав поодаль колонию сурков, въехали мы в глубокий овраг, посредине которого сочился ручей, на небольшом расстоянии от него стояло несколько богатых монгольских юрт, украшенных высокой жердью с большим пучком травы наверху. Это был уртон¹⁰.

Из юрты быстро появился хозяин уртона, одетый в праздничную одежду, и приветствовал князя, распластавшись на земле. На вопрос о звере, он сообщил, что котловина, в которую зашли аргали, уже окружена монголами, и бараны никаким образом не смогут оттуда уйти.

⁶ Тибетские яки, называемые монголами сарлыками.

⁷ Дзерен (монг.) – *Gazella gutturosa* (лат.).

⁸ Улачен (монг.) – проводник с проездной станции конного сообщения в Монголии (со времён Чингисхана).

⁹ Доха (монг.) – длинная зимняя одежда, имеющая мех с внешней и внутренней стороны.

¹⁰ Уртон (монг.) – почтовая станция, где путешественники при наличии пропуска, т. е. дзару, получают верховых и вьючных коней или верблюдов и сарлыков. Такие станции удалены друг от друга на 24–30 км и разбросаны по всей Монголии, через них можно проехать в любом направлении, используя только уртонских коней. Уртоны содержатся самыми бедными монголами, которые находясь на этой службе, освобождены от податей. Табуны уртонских коней являются собственностью княжеств.

Преодолев каких-то два километра в верховья ручья, мы начали взбираться к вершинам, увенчанным могучими скальными массивами. Трава здесь росла скупо, небольшими пучками, выветрившиеся скалы создавали россыпи, спускающиеся постоянно вниз. Живописно выглядели эти фантастические истерзанные груды камней, создающие издали впечатление покинутых развалин старых замков с незапамятных времён.

Наши кони ступали чрезвычайно осторожно, пробуя ногами каждый камень, каждую подозрительную кочку. Сопровождающие нас монголы шли длинной цепочкой, занимая склоны горы.

Несмотря на тяжёлую дорогу, мы дошли до вершины почти без шороха; кони остались под опекой конюха тут же у подножия скал.

Проскальзывая между грудками камней, мы добрались до широкой платформы, воронкообразно сходящей вниз и создающей вид огромного кратера давно погасшего вулкана. Вся долина поросла прекрасной, сочной травой, тут и там лежали упавшие сверху камни и огромные каменные глыбы.

На одном склоне долины я заметил стадо аргали, состоящее из приблизительно тридцати голов. Они спокойно паслись, группками по пяти и более особей. Около самок играли маленькие козлята, прыгая или ударяясь головами, несколько ниже лежали несколько самцов, растянувшихся во всём своём великолепии, по-видимому, греющихся на солнце, недалеко же от могучей скалы, видимо оторванной от массива, лежал огромный серьёзный самец, похоже, глава семейства, увенчанный спирально скрученными рогами. Этот одиночка время от времени поднимал голову вверх, оглядывался большими чёрными глазами. Он был или разморён солнцем, или измучен тяжестью рогов, медленно склонял голову к земле и оставаясь в такой дремлющей позе оставался по несколько минут.

Воздух был такой чистый и прозрачный, что, несмотря на значительное удаление, я мог подробно наблюдать движения и очертания пасущихся животных. Господствовала глубокая тишина, не двигалась ни малейшая травинка, солнце припекало огнём.

Князь, лежащий около меня, подполз ещё ближе и спросил шепотом: «Будешь стрелять?»

Для выстрела было далеко, впрочем, хотелось мне увидеть прославленную ловкость подкрадывания монголов к зверю, и я попросил Вана, чтобы велел он какому-либо из своих лучников подкрасться к стаду. Князь дал знак лежащему за нами монголу и шепнул какое-то приказание.

Немного погодя заметил я одного из княжеских людей, одетого в короткие штаны, держащего лук в руке и несколько стрел в зубах, который едва заметным движением начал пробираться среди камней, направляясь во впадину котловины.

Тёмное, почти коричневое от солнца и ветров, загоревшее тело монгола великолепно сливалось с фоном. Охотник полз как змея на животе, помогая себе то локтями, то коленями. Порой поднимал голову, прикидывал расстояние до зверя, изучал поведение стада и при мельчайшем подозрительном движении животных оставался на месте без колебания, совершенно похожий на какую-то каменную глыбу.

После нескольких минут монгол исчез у меня с глаз, притаившись за большим камнем. Я наблюдал в подзорную трубу за бараном. Он лежал долгое время совершенно спокойно, порою только лениво скребя задним копытом около уха, как бы отмахиваясь от надоевших насекомых, слишком докучливо добирающихся сквозь густой волос до тела. Почти всё стадо спустилось на самое дно котловины и развалилось на мягкой траве.

Внезапно самец сорвался с места, подскочил вверх, пробежал несколько шагов, пошатнулся и упал, ударяя в конвульсиях землю копытами. В задней части шеи животного, у основания головы, торчал конец оперенной стрелы.

Остальные аргали тотчас вскочили, мгновение глядели на мёртвого самца, потом беспорядочной массой бросились к вершинам, окаймляющим котловину. Какое-то мгновение мне

казалось, что стадо уйдёт, когда внезапно на краю котловины появились, словно выросшие из земли, фигуры монголов, размахивающих карабинами и луками.

Звери развернулись на месте и в стремительном движении побежали по склону котловины, направляясь в нашу сторону. Впереди мчались бешеными прыжками два больших самца с головами, задранными вверх, бешеными прыжками, почти касаясь земли брюхом.

Я взглянул на Вана, он стоял в скальной нише, спокойным взглядом вода по баранам и пробуя рукой тетиву лука.

В тот момент, когда первые животные приблизились почти на шестьдесят шагов, князь поднял лук вверх – в течение какого-то мгновения я видел на его лбу набухшие от усилия жилы и внезапно услышал тоскливый свист стрелы. Один баран кувыркнулся, смертельно поражённый стрелой в сердце, другого же в нескольких метрах дальше остановила разрывная пуля моего карабина.

Остальные звери, напуганные внезапным пением стрелы, развернулись почти на месте, бросаясь хаотически во все стороны. Несколько их упало от стрел и пуль, остальные сумели прорваться через окружающее их кольцо людей и рассыпались по склонам гор.

Несколько монголов пустилось в погоню за молодым бараном, раненным и измученным преследованием. Эта картина была по-настоящему великолепной.

Впереди бежал баран, отталкиваясь упругими ногами, за ним мчалась масса наездников, почти распластавшихся на конских шеях. Один из преследователей, по-видимому, имеющий самого лучшего коня, сближался с жертвой всё более, и когда конь почти поравнялся с бараном, наездник внезапно поднялся в седле, описал дугу в воздухе и упал на хребет преследуемого зверя. Конь пробежал ещё несколько шагов и остановился, человек же и зверь превратились в какую-то хаотическую, мечущуюся массу.

Немного погодя из дрожащей массы поднялся человек, окровавленный, в изодранной в клочья одежде – однако у ног его лежал аргали, беспокойно дёргаясь и напрягая связанные ремнём ноги.

Весело и шумно возвращались в юрты. Добычу сложили в арбы, запряжённые уртонскими сарлыками, и привезли в ставку князя, где ободранные от шкур аргали пошли в котлы.

Долго в ночи затянулась беседа, при которой обсуждали разные моменты минувшей охоты, а также намеченную на завтра стрельбу из луков в цель и конные соревнования, которые велел подготовить князь, довольный прекрасными результатами охоты.

Ранним утром следующего дня разбудил меня небывалый гомон, топот коней и людские окрики. Поспешно выскочил я из юрты, предназначенной мне под жильё, соседствующей с юртой Вана. В степи, окружающей ставку хана, я заметил множество людей, одетых в цветные фантастические одежды, сборища женщин и детей, а также несколько десятков лам, одетых в жёлтые и красные ритуальные наряды.

С громкими криками пригнали табуны коней, около которых сновали пастухи на ловких как газели конях, размахивая уургами и арканами. Направо от ставки в землю вбили столбы, на которые прикрепили изготовленные из глины головы, представляющие китайцев. Группы людей крутились, радостно покрикивали, разжигали костры из кизяков¹¹, пробовали ружья и луки.

Мужчины были одеты в праздничные одежды, длинные шёлковые терлики, на поясах которых свисали на серебряных цепочках или шёлковых шнурах неотлучные мешочки с табаком, приборы для чистки трубок и симпатичные кресала, за поясами позади торчали ножи, в обязательных ножнах, украшенные красивыми узорами, выполненными на серебре и представляющими драконов или удивительные монгольские и китайские орнаменты.

¹¹ Кизяк (монг.) – сушёный навоз.

На головах обоего пола находились некрасивые высокие монгольские шапки, обрамлённые мехом и украшенные наверху обычными шишаками или разноцветными шарами, означающими должность и степень хозяина. Из-под шапок свисали длинные чёрные, крепко сплетённые косички.

Прекрасный пол был представлен в большом количестве, отличаясь от мужчин не столько особенностями лица, сколько нарядами и украшениями.

Женщины также были одеты в шёлковые длинные одежды, причём одеяния замужних женщин значительно отличались от одежды девушек. Монгольские дамы имели на себе длинные, достигающие щиколоток платья, изготовленные из прекрасных, порой, китайских шелков с художественно выполненными узорами, представляющими цветы, монгольские орнаменты или драконов. Эти платья, разрезанные почти до колен, застёгивались на разрезе серебряными или золочёными пуговичками. Низ платья, рукава и воротник были окаймлены драгоценной тканью, расшитой золотыми или серебряными нитками, создающими весьма искусные орнаменты. На длинных рукавах у основания рук торчали два горба, неизбежные в наряде замужней женщины в Халхинском княжестве.

Причёски дам выглядели импозантно, потому что волосы имели вид двух кос по обеим сторонам головы. Косы были сплетены с каждой стороны тремя серебряными пряжками шириной в два пальца, усаженными кораллами и бирюзой. На голове женщины имели чепцы необычайно искусной работы, усеянные на нижнем ободке также бирюзой, порой аметистами и хризолитами. На этих чепцах было видно высокую монгольскую шапочку, красиво вышитую, несколько меньшую по ширине, но более высокую, чем у мужчин. Отогнутые края шапки были окаймлены главным образом собольим мехом. В ушах дамы носили наушники (серьги) из серебра, или из кусков красиво отполированного нефрита. Завершением наряда были монгольские сапожки на очень толстой подошве, без каблуков, с носами, закрученными вверх. Такие сапожки изготавливались из разноцветной кожи, сшиваемой в форме оригинальных и красивых узоров.

Наряды девушек были более скромными и полностью похожими на мужские – волосы сплетены в косички, в которые для удлинения вставлены толстые чёрные шёлковые шнурки, законченные султанами.

Детворы было полно. Они назойливо толкались во всех углах, светились нагими или едва покрытыми телами, влезали на лошадей, кричали и плакали.

Среди этой разнородной толпы, серьёзно прохаживались ламы, обозначая своё духовное положение стриженными головами и жёлтыми терликами без воротника; они держали в руках буддийские чётки, и угощали при встрече табаком из красивых нефритовых табакерок (монгольское духовенство не курит табака).

Кони приезжих, главным образом красивые и хорошо выпасенные, были покрыты отличными чепраками из кожи, выделанной и вышитой, из разноцветного, толстого материала. Монгольские сёдла имели очень высокие луки, покрашены обычно в красный цвет и усажены серебряными шишаками. От сёдел свисали широкие массивные стремяна, изготовленные из железа или латуни, инкрустированные серебром, порою золотом. Ремни уздечек были украшены серебряными монетами или толстыми серебряными слитками, на которых виднелись глубоко вырезанные орнаменты.

Совокупность конских рядов была представлена очень эстетично и богато, потому что монголы больше всего заботятся о красивом конском снаряжении.

От наблюдений оторвал меня внезапно звучный голос дудок и бубнов. Я поспешно вернулся в юрту, потому что приближалось время представления. Немного погодя я шёл в сопровождении Вана к расстеленным на земле коврам, на которых сидела супруга князя в окружении своего двора. Князя сопровождали чиновники в парадных одеждах, заняв место согласно должности и ранга.

Представление началось со стрельбы из старого огнестрельного оружия, используемого большинством монгольских охотников.

Несколько участников соревнования встало на удалении шестидесяти шагов от цели, оперло свои ружья на высоких развилках, целясь в головы из глины, нанизанные на столбы. Раздалось шесть выстрелов, и шесть пуль вонзились в глиняные манекены. Наилучшим из всех стрелков оказался старый одорукий монгол, его пуля попала в середину лба глиняной цели. Князь раздал награды, я занялся осмотром ружей. Это были старые кремнёвки с удивительно маленьким ложами, перевязанными шнурками и ремнями. В третьей части длины ружья на утолщённом ложе, охватывающем ствол, были прикреплены вилки, служащие для поддержки и фиксации оружия, что является крайне необходимым, если принять во внимание необычный вес ствола, очень толстого на конце. Утолщение на конце должно предотвращать раздутие ствола. Затвор представляет слишком сложную конструкцию. Полка (у старинных ружей) имеет подвижную крышку, открывающуюся во время спуска курка, в которой торчит кремнь, дающий при трении искру, воспламеняющую порох.

Ружья эти оставляют желать лучшего. Монголы, однако, стреляют из них, в общем, очень метко, не колеблясь даже с таким оружием вступить в поединок с медведем¹².

На столбы установили новые манекены, а на линии, обозначающей расстояние в пятьдесят шагов, стали лучники, одетые только в штаны. Каждый из лучников держал в руке лук длиной 120 см с сильной тетивой, сделанной из бараньей кишки. Луки были изготовлены из тонких бамбуковых дощечек, склеенных, а затем сильно обвязанных очень тонкими шёлковыми тесёмками. Стрелы, 5 шт., которыми обладал каждый лучник, с железным трёхгранным наконечником, были длиной около 70–80 см; концы стрел имели трёхстороннее оперение.

По данному знаку лучники подняли луки, держа их вертикально, и начали слать стрелу за стрелой. В течение какого-то момента было слышно только жужжание тетив и свисты стрел. Наблюдения издали, создавали впечатление, что стрельба происходит без излишнего усилия со стороны лучников. При более близком наблюдении за стреляющими было видно громадное усилие мускулов рук, груди и пальцев. Левая выпрямленная рука держала лук, два пальца правой руки натягивали тетиву, вплоть до поверхности груди.

Результаты стрельбы были разные, задача состояла в том, чтобы в самое короткое время выпустить метко пять стрел. Из двадцати пяти соревнующихся наилучшего результата достиг мейрен¹³геркулесовского телосложения по имени Дорчи, всадивший в течение полуминуты все пять стрел в оба глаза, лоб, нос и рот манекена, за что получил в награду от князя прекрасного коня.

Потом наступили атлетические соревнования, неудачные, однако, по причине слишком малого количества соревнующихся, которых разбил в короткое время, упомянутый выше Дорчи.

В конных состязаниях приняло участие около ста наездников, а в забегах принимали участие только дети, сидящие на конях без седла. Бег составлял десять километров – победили кони из княжеского табуна.

Поздно ночью разъехались гости, прибывшие на праздник, а несколькими днями позже, и я поехал с Ачиту-ваном на Киргиз-нор посмотреть на ловлю диких коней.

¹² В Амурском крае знал я охотника, который только с кремнёвым ружьём охотился на тигра, в большом количестве, населяющем этот край.

¹³ Мейрен (монг.) – полковник.

Волки

Зима резкая и необычайно снежная охватила безбрежные пространства Сибири. Снега глубоко засыпали степи и боры, покрыли пушистым саваном города и деревни, создали глубокие заносы, выровняли овраги и ущелья.

Крестьяне, приезжающие в города порой из далёких местностей для закупки товаров или с целью продажи сельскохозяйственных продуктов, привозили вести о многочисленных стаях волков, вторгающихся в деревни и хутора, нападающих на табуны коней и стада скота или на одиноких возчиков.

Каждый путник, собирающийся в далёкую дорогу на лошадях, запасался оружием и патронами, крестьяне собирались в караваны по несколько саней, чтобы отразить вероятное нападение волков, в деревнях разжигали на ночь костры, устраивали загоны¹⁴ для скота, увеличивали караулы, а волки свирепствовали всё более, пробегая край стаями, насчитывающими порой по несколько сот голодных зверей.

В начале января я был вынужден совершить очень длинную, в несколько сотен километров, поездку до Тобольска в сопровождении богатого купца из Тюмени.

Удобная, усланная тёплыми шубами, кибитка, запряжённая в отличную тройку лошадей, летела через заснеженное пространство как птица. На перегонах¹⁵ меняли лошадей, новый возница сидел на козлах, потряхивая поводьями, и быстрые сибирские лошадки несли кибитку в снежную и морозную даль.

Самую значительную часть дороги совершали мы без приключений, путешествуя только днём, ночи проводили в деревнях, но, когда ясное обличие луны полностью осветило снега так хорошо, что было видно наезженные полозьями саней следы, мы двинулись ночью, доверяясь стойкости лошадей и оружия, которое вместе со значительными запасами патронов лежало в санях.

Возница, молодой, дородный сибиряк, хорошо знающий дорогу, внимательно оглядел сани и упряжь, затем натянул большой, почти до лодыжек достигающий кожух, взгромоздился на козлы, чмокнул коням, и те помчались с места галопом, громко названивая колокольчиками, привязанными к дуге¹⁶.

Мы быстро миновали длинную деревенскую улицу с рядом славных домиков, в которых светились, вырезанные в деревянных ставнях окон, маленькие отверстия в форме кругов или сердец, и вылетели в ровную степь.

Луна освещала заснеженные поля так ясно, что через оконце кибитки чётко виднелись редкие берёзовые рощи, порой тёмные контуры брошенной одинокой хижины или торчащие из-под снега жерди загонов.

Полозья саней легко скользили по снегу, порой в кибитку ударяли с глухим треском летящие из-под копыт комки обледеневшего снега, порой раздавался громкий оклик возницы или внезапное храпение лошадей, пробегающих по свежему следу волков, а стонущий серебристый звон колокольчиков терялся где-то вдали.

Мой товарищ, убаюканный монотонным движением саней, заснул, распростёршись в кибитке удобно на шубах, меня тоже клонило ко сну.

Из сладкой дрёмы вырвал меня громкий крик возницы:

– Мужики, волки идут лавой!

¹⁴ Загоны – коровники.

¹⁵ Перегон – постой.

¹⁶ Дуга – средство связи оглоблей кибитки с лошадьёю.

Схватились мы за оружие. Выглянул я через оконце и заметил вдали какую-то чёрнуюдвигающуюся массу, которая быстро приближалась к нам. Из этой массы вырывались одинокие звери, перерезая наискосок дорогу коням. Удивило меня то, что волки вместо того, чтобы окружать нас, разделились на две группы, из которой одна медленно окружала сани сзади, вторая в то же время приближалась к коням таким образом, что вынуждала их покинуть дорогу и повернуть направо, то есть в направлении, не занятом волками. Этот маневр серьёзно встревожил меня, потому что в этот момент я припомнил себе рассказы о большой организационной сметливости и хитрости этих зверей, которые, не будучи в состоянии одолеть оленя, загоняют его в снежные заносы. Неужели и с нами так может произойти?

Волки приближались всё более, видел я уже искрящиеся глаза и белые блестящие клыки в открытых пастьях. Стрелять было невозможно, потому что запах крови сделал бы более наглыми ночных разбойников, и тогда не было бы для нас спасения.

Возница крикнул и кнутом побуждал коней к бегу, а стойкие сибирские меринь, храпя громко, рванули, едва касаясь ногами снега.

Внезапно несколько волков сделало стремительный прыжок, бросаясь на шею коням, которые повернули почти на месте. Кибитка сильно наклонилась набок и глубоко зарылась в снег. Из глоток нападающих раздался теперь ужасающий вой, в котором звучал тон радости и победы. Но этот вой заглушил зычный голос моего товарища:

– Трофим! Освободи коней от упряжи, а сам в кибитку!

Возница, как змея, соскочил с козлов и несколькими ударами топорика (с которым сибиряк никогда не расставался в дороге) отрубил ремни упряжи и дышел. Кони рванули сильно, в несколько прыжков одолели занос и помчались в поле. Более десятка волков пустилось за ними, остальные бросились к увязшей в снегу кибитке. Два дюжих волка бросилось на Трофима, но тот одного из них рубанул топором, другого же метким выстрелом положил мой товарищ на месте. Возница влетел в открытые двери кибитки и едва успел закрыть их, как стая волков бросилась на нашу крепость. Загремели выстрелы, и волки валились как снопы. Запах свежей, дымящейся крови разбудил в них неистовую ярость.

Оголодавшие, рвали они на куски своих убитых соплеменников, грызлись с громким воем между собой, то вновь одиночно или массой бросались на нас. Кибитка, предназначенная для далеких путешествий, была построена по форме стародавней колымаги. Стены и крыша её были собраны из тонких, но крепких берёзовых досок, обтянутых кожей и внутри обитых войлоком.

Внутренность её была такой обширной, что удобно вмещала четырёх людей – было также место для багажа и маленького самовара, в котором мы готовили такой излюбленный сибиряками чай. В боковых стенах кибитка имела двери с задвигаемыми окнами, пол устлан был сеном, войлоком и шубами.

Стреляли мы почти без перерыва, целясь уже то в массу, то уже в отдельных зверей, слишком смело придвигающихся к окнам. Порой, в перерывах между стрельбой, слышно было, как звери рвали покрытие кибитки и грызли доски, которые под напорами их тел трещали и гнулись. В нескольких местах в стенах кибитки появились дыры, но за угрожающими точками заботливо следил Трофим, коля ножом в показывающиеся в них пасти.

Гул выстрелов, вой и скуление раненых зверей смешались в какой-то адский шум, несмотря на это, различали мы отчётливо раздающийся вдали вой – по-видимому, возвращались волки из погони за конями или же подходила новая стая, привлечённая шумом.

Около созданной нами «крепости» образовался вал трупов, а новые массы разбойников напирала с удивительной настойчивостью, валились посечённые крупной дробью, отступали и снова возвращались.

Стволы ружей обжигали руки до такой степени, что мы вынуждены были избегать ожогов, используя войлок.

В некоторый момент, сваливший двух волков, карабкающихся близко от окна, я вытянул руку за новым зарядом, которые подавал нам возница, но Трофим сообщил, что коробка уже пуста – расстреляли мы почти двести зарядов, а нам оставалось ещё два часа до рассвета и стая голодных, ожесточенных зверей. Решили защищаться прикладами ружей, но находчивый Трофим отыскал оружие лучшее и более эффективное. В кибитке был бочонок спирта, поэтому в жидкости этой мы мочили скрученное в клубок сено, клали в него тлеющую губку, и эти новые, не известные до сих пор гранаты вручную бросали далеко от кибитки. Вскоре на снегу возник светло-голубой пояс огоньков, который сдерживал нападение врага.

И несмотря на превосходство в этой битве, находились мы в ситуации невероятно тяжёлой. Луна зашла, стемнело, спирта мы имели едва несколько литров, и помимо воли в голову приходил вопрос, что мы сделаем, когда истощится эта спасительная жидкость, а волки захотят атаковать снова.

По-видимому, оберегало нас провидение, потому что в момент самого большого сомнения, в момент последних зарядов, раздалось далеко перед нами отголоски выстрелов, а потом крики, смешанные со стонущими звуками бубенцов. Вскоре заметили мы в сумраке рой огоньков, которые быстро росли, приближались – пока не остановились где-то совсем близко.

Но теперь мы были, пожалуй, спасены, так как в свете пылающих факелов, изготовленных из свёрнутой берёзовой коры, увидели мы шеренгу саней, на них бородатых сибиряков, которые время от времени давали залпы из своих ружей. Волки убежали, оставляя на поле множество трупов и раненых.

Сибиряки разожгли быстро несколько больших костров. Оттащили от дверей кибитки, уже застывшие тела убитых зверей и, освободив нас, начали расспрашивать о том, что произошло и рассказывать о нападении волков на деревню, находящуюся в нескольких километрах.

Наши кони были разорваны волками уже в деревне, и эта наша канонада дала им знать о нашем критическом положении.

Когда рассвет рассеял темноту ночи и на порозовевшее небо выплыл светлый солнечный круг, увидели мы ночное побоище во всём его ужасе. В радиусе нескольких десятков метров от кибитки снег был покрыт красными пятнами крови и бурыми телами убитых зверей. Здесь и там тяжело раненный волк щерил окровавленную пасть на молодых парней, которые занялись добиванием этих ночных разбойников и снятием с них шкур.

Оглядывая внимательно следы наших саней, я понял, почему волки, преследуя нас, теснили коней с дороги. Именно в этом месте, где сани зарылись в снег, был огромный занос, образовавшийся на молодом, густо заросшем берёзой перелеске, дальше же шла ровная и твёрдая дорога. Следовательно, волки умышленно наступали с левой стороны, а в момент, когда кони дошли до заноса, забежали им дорогу спереди.

Из деревни привели новых коней и вскоре мы двинулись целой кавалькадой. На санях крестьян лежали груды шкур, которые кроме щедрого угощения от нас, становились своего рода вознаграждением за спасение.

Нашей кибиткой, представляющей плачевную картину разрушенной врагом крепости, занялись деревенские ремесленники, и только спустя два дня мы двинулись дальше.

Маралы¹⁷

Величественные кедры и сосны, окутанные белым саваном снега, шептали утреннюю молитву серьёзным и тихим шорохом стволов, подталкиваемых лёгким ветерком. Солнце медленно поднялось на востоке, румяня лазурное чистое небо, разлило свои ясные лучи по тёмному бору, заискрило тысячами бриллиантов на мягком пушистом снежном покрове, покрывающем толстым слоем безбрежные степи и сибирские боры.

Любопытное солнышко втиснулось в лесную глубину, вытесняя чёрную, таинственную завесу ночи, посмотрелось в замёрзших сосульках водопадов, заиграло на них радугой красок и разбудило птиц, которые с громким щебетом отправились кормиться, сбрасывая пушистые кисти снега с веток деревьев в поисках семян и шишек. Над бором где-то высоко, в лазурных просторах, описывали огромные круги орлы, высматривая добычу, порой украдкой, быстрым как пуля полётом пересекал воздух ястреб, тёмноперый убийца тетеревов, который, насытив первый голод, истреблял целые стаи лирохвостых птиц, съедая только мозг, оставляя остальное для лис и воронов.

С пологого, безлесного почти склона Красного Таскыла, бывшего подножием Саян, съезжали мы на нартах, освещённые ослепительными лучами солнца, отражёнными от белого ковра снега.

Наш проводник Мишка, старый опытный охотник, победитель нескольких десятков медведей, двигался легко, минуя умело сваленные бурями и старостью стволы деревьев, за ним двое молодых казаков тянули лёгкие полозья, покрытые шкурой кабарги, на которых лежало несколько котелков, немного сушёного оленьего мяса, а также принадлежности для изготовления больших саней, необходимых в случае удачной охоты для транспорта дичи.

Я замыкал поход, мчась на быстрых сойотских лыжах, подаренных мне урянхайскими¹⁸ охотниками.

Трое моих товарищей были вооружены арканами, вырезанными из маралых шкур и пистоновыми малокалиберными винтовками, используемыми для охоты на соболя и белку, я же имел превосходный винчестер¹⁹, оружие безотказное и меткое, которое спасло жизнь моего приятеля при встрече с разъярённым медведем.

Спустившись с горы в обширную котловину реки Улдзы, скованной теперь толстым панцирем льда, сняли мы лыжи, задержавшись на обед и отдых. Мишка подошёл к сухому кедру и топориком (без которого ни один сибирский охотник не пойдёт в тайгу), начал обрубать ветки, когда в это время казаки притащили два толстых ствола, сложили их плотно вместе и затем вырубили между лесинами своего рода щель, в которую уложили ветки, над ними поставили треногу из жердей, на которую подвесили котёл со снегом.

Мишка добыл кресалом огня, дунул несколько раз на трут, и смоляные ветки вспыхнули сразу ярким весёлым огнём. Сухие кедровые ветки совсем не дают дыма, потому не было опасения всполошить зверя, если он находился где-то недалеко. Вода быстро закипела в котле, Мишка засыпал в неё сушёные листья малины, а затем достал с санок вязанку длинных полос сушёного мяса, красноречивым движением руки, приглашая нас на обед.

После приёма пищи Мишка давал инструкции и обсуждал план охоты. Я смотрел на старого охотника, стараясь хорошо запомнить все уловки, используемые при ловле живых маралов, на которую собирались мы тогда.

¹⁷ Марал – разновидность *Cervus elaphus* (благородного оленя), описанный славным польским учёным Бенедиктом Дыбовским.

¹⁸ Урянхай – край, отделённый от Сибири Саянскими горами.

¹⁹ Винчестер – карабин, изготавливаемый в США.

Мишка был моим приятелем, а вместе с тем наставником в охотничьих делах. Сколько раз бегал я с ним в тайгу, узнавая её тайны, изучая обычаи и жизнь диких её жителей, удивляясь меткому глазу и хладнокровию старого охотника, который в течение сорока лет жил в тайге её богатствами.

Летом Мишка ходил на медведя, делал засеки на кабаргу или ремонтировал и готовил на зиму свои охотничьи избушки, разбросанные по наиболее уединённым местам тайги; зимой охотился на белку, соболя и выдру из-за ценного меха, на марала и серну для шкур и мяса. Выискивал медвежьи берлоги, выслеживал росомах, охотился на рысь, волков и лису.

Далеко было известно имя этого меткого стрелка, и охотники считали за честь, когда Мишка приглашал их на подмогу или на совместную охоту.

Мы двинулись снова, направляясь к широким лесным полянам, оставив сани с инструментом и самыми необходимыми запасами в глубокой скальной расщелине. На снегу были видны тысячи следов различных зверей и тропки, вытопанные стадами оленей и маралов. Между стволов деревьев вырывались рябчики, издавая характерный предупредительный свист, порой чёрные блестящие тетерева, заинтересованные нашим видом, прерывали щипание берёзового мха и с шумным хлопаньем крыльев взлетали вверх, перелетая безопасно с места на место. Порой тихо прокрадывалась рыжая лиса, зыркала направо и налево, принюхивалась, поднимала голову вверх, приглядываясь к птицам, радостно скачущим по ветвям, заметала пушистым хвостом снег и исчезала где-то в подлеске. Порой белый горноста́й подкрадывался к стае куропаток, пряча предусмотрительно под себя чёрный конец своего хвоста. Порой где-то на скальном обрыве маячил гибкий силуэт рыси или протискивалось упругое, тёмное тело кабарги.

Миновали мы огромные скальные разломы, создающие как будто ворота перед обширной поляной, когда внезапно Мишка остановился как вкопанный, поднесением пальца к губам давая понять знак молчания. Скрытые между скалами, мы наблюдали спокойно пасущееся стадо маралов, состоящее из нескольких десятков голов. Самки лениво разгребали ногами снег, пощипывая пожолклую траву, другие лежали на снегу, образуя большие ржавые пятна. Несколько дальше стоял большой самец и зорко посматривал вокруг. Голову самца, посаженную на красиво выгнутую шею, украшали раскидистые рога. Вправо от самца-сторожа проказничало несколько молодых самцов, укалывая друг друга упорно маленькими рожками.

Наш проводник шёпотом отдавая распоряжения, немного погодя исчез вместе с казаками, возвращаясь дорогой, недавно нами прошедшей. Стадо, не предчувствуя опасности, спокойно грелось на солнце.

Миновал час.

Маралы, удовлетворив голод, медленно поднялись, сбились в кучу, как бы совещаясь, где провести послеобеденную сиесту.

Зная хорошо обычаи маралов, я понимал, что они пойдут тропинкой, вытоптанной в мягком снегу, и направятся к вершинам, откуда ветер сдувает снег, и твёрдый грунт не мешает животным в бегстве в случае опасности.

Так и произошло.

Немного погодя я был уверен, что мои товарищи не успели занять позиций, и маралы уйдут, но внезапно стадо повернуло на месте и в панике бросилось вправо к густой стене столетних деревьев. На склоне появился Мишка, громко покрикивая и крутя арканом в руках. Маралы побежали в переполохе, но высунувшийся из лесу силуэт казака повернул их влево. Стадо убежало, сколько на то позволял глубокий снег, однако, не пробежало оно и половину дороги, когда из лесу высунулся второй казак, громким криком принуждая животных к новой смене направления и поисках спасения в бегстве через каменные ворота, в которых стоял я, или в преодолении обрывистого ущелья реки, засыпанного глубоким снегом.

Самец-предводитель стада, видя со всех сторон опасность, бросился огромными прыжками к реке и полностью зарылся глубоко в снежный занос. В это время охотники придвинулись к нему, в воздухе свистнули арканы, и петли затянулись на раскидистых рогах. Остаток стада разбежался во все стороны.

Пойманный марал напрягал все силы, чтобы освободить ноги из снега, но напрасными были эти усилия, узкие копыта не находили соответствующей опоры, и зверь проваливался всё глубже.

Измученный, залитый потом, видимо, понимая свое бессилие, наконец, он поник головой, спокойно отдаваясь судьбе. Этой минуты ожидали и мы, тотчас набросили на вспотевший хребет зверя свои куртки, приступив одновременно к связыванию ног. Нартами отгребали мы снег, стараясь лишить свободы действия сперва задние ноги, бывшие самым ужасным оружием марала. Задними ногами пользуется часто марал как в обороне, так и в битве, а сила удара так велика, что с лёгкостью разбивает он череп волка или ломает кости медведя.

После нескольких минут работы удалось нам без приключений связать ноги животного накрест, отгребая снег и вытягивая марала из заноса. Топорами мы нарубили кедровых ветвей, на них настлали мха и на эту подстилку положили нашего узника, вытерев мхом его хребет досуха. Процедура эта является обязательной, потому что измученный зверь легко заболевает воспалением лёгких и гибнет во время транспортировки.

Один из казаков в это время двинулся за оставленным нами снаряжением, и спустя неполных два часа мы уже везли марала в сторону реки Тубы...

Здесь нас ожидали сойоты колониста Шишмарёва с упряжкой оленей, разводимых в этой окрестности племенным родом сойотов, называемых хайдутами.

Удивительным показалось бы не одному охотнику задавание себе труда, связанного с поимкой, марала живём, когда с лёгкостью можно было бы убить его пулей. Однако, охотники в окрестностях Саянских гор, Танну-Ола и Алтая, зная какие выгоды приносят маралы, не истребляют бессмысленно этих полезных и красивых животных, а ловят вышеописанным способом и разводят в заграждениях, носящих название маральники.

С очень давних времён китайцы скупали рога марала, порой по цене просто сказочной, потому что приготавливают из этих рогов лекарства. Чтобы маральи рога могли быть проданы по хорошей цене, их нужно добыть весной, когда они ещё покрыты шкурой и содержат в себе много соков. Твёрдый рог не удастся соответственно обработать, и продают его только на разные изделия, как: пуговицы, ручки для ножей и т. д.

Специалисты разводят маралов в собственных заграждениях по несколько десятков, кормя и ухаживая за ними с очень большой заботливостью. Весной, когда самцы обретают новые рога, специалист-мараловод в ограде подрезает рога пилочкой (на два пальца выше черепа, делая предварительный надрез). Через два дня после этой операции рана заживает (зарубцовывается) и рога сохнут на надрезе и опадают. Мараловод, собрав эти рога, бросает их в котёл с горячим, сильно соленым раствором. После двух дней их сушат в продуваемом месте. Такого рода рога называют в торговле пантами и платят за эту продукцию на вес серебра.

Польза от разведения маралов является очевидной. Выращенный в загородке самец дает в течение восьми лет от десяти до восемнадцати килограммов пантов. В отдельных загородках держат мараловоды маральих самок.

В Урянхэе разведение маралов было очень развито, давая работу достаточному количеству людей, одновременно становясь причиной постоянных торговых контактов с Китаем.

Горные козлы

Более чем в десяти километрах на северо-восток от Улаангома²⁰ тянется цепь гор, называемых монголами Улясы.

Они видны издали, манят глаз путешественника удивительными рефlekсами заснеженных вершин, обширных горных лугов, выразительно контрастирующего пояса горной сосны и тёмно-синих лесов, наконец, переходят они у своего подножия в легко наклоненные пастбища, связанные с буйными степями, тянущимися куда-то к Малому Алтаю, отделяющему Северо-Западную часть Монголии от песчаной Джунгарии.

Улясы являются для жителей Улаангома и окрестных степей неисчерпаемым источником строительного материала в виде высоких лиственниц и могучих сосен, дают им множество меха, от скрывающихся в скальных распадах зверей, являются неисчислимым кладом разных минералов, к сожалению, до сих пор не эксплуатируемых, а наивысшая вершина этих гор – скалистый Хара-Тологой предвещает ясную погоду или же страшную бурю.

Зимой, когда Улясы окутаны белым саваном, а снег блестит миллионами искр, наблюдает удивительно лазоревой окраски, связанной с цветом неба, погода гарантирована на долгое время, но когда Хара-Тологой затягивается тёмными полотнищами туч, когда от скалистой вершины послышатся тяжёлые вздохи ветра, то каждый монгол или же путешественник, едущий степью, погоняй быстрее своих верблюдов, чтобы как можно скорее оказаться где-то в гостеприимной юрте, потому что Хара-Тологой даёт знак, что идёт по степи «слуга смерти», безжалостный буран²¹ замораживающий своим дыханием лёгкие людей и зверей, засыпающий без следа целые караваны.

Ранняя весна, когда припекаемые солнцем ледовые оковы могучего Убсу-Нура²² лопаются с гулом, этот голос подхватывают Улясы, и, отразившись тысячным эхом, посылают далеко в степи, предвещая людям радостную новость, что весна приближается окончательно, и морозы не прихватят уже молодой, несмело ещё пробивающейся травы. А с гор сползают огромные снежные лавины, тают медленно, превращаются в клокочущие ручьи, разбиваясь в ярости о скальные пороги, обрызгивая пеной камни, рвутся в низину, разливаясь широко, чтобы спустя неделю исчезнуть совершенно, впитанные степью, томимой жаждой. Только в ямах или в более глубоких маленьких долинах ещё долго светит серебристое зеркало воды, а на нём снует тысячная масса болотных птиц, громким криком извещая свое довольство весной, теплом и солнцем.

Улясы покрываются тогда ковром яркой зелени, над которой тёмными контурами рисуются обтрёпанные обрывистые скалы, доступные только орлам и легконогим аргали (горные бараны) или козлам скальным, над все же господствует серьёзный, таинственный Хара-Тологой, с головой, припорошенной мудрой снежной сединой.

Из окна моей фан-цзы²³, стоящей в восточной части Улаангома, отчётливо была видна наезженная в снегу дорога, ведущая в Улясы, откуда привозили брёвна на строительство нового храма в ближайшем монастыре. Этой дорогой ежедневно проезжали десятки конских запряжек, тянущих на примитивно сконструированных санях толстые лиственничные стволы, про-

²⁰ Улаангом (*монг.*) – город в Северо-Западной Монголии.

²¹ Буран (*монг.*) – снежная буря.

²² Убсу-Нур (*монг.*) – озеро, имеет почти 250 км² поверхности, вблизи Улаангома.

²³ Фан-цзы (*ит.*) – дом из глины, смешанной с соломой. Построен согласно примитивной китайской архитектуры, названный русскими колонистами словом «фанза».

ходили караваны флегматично идущих верблюдов, на которых везли в поселение снопы вязанок караганы²⁴, расхватываемый на рынке китайскими купцами и монастырскими ламами.

Зима была чрезвычайно морозной и снежной. Поэтому монголы, осевшие в равнинных окрестностях, кочевали в места более гористые, подвергающиеся дуновениям ветра, выдувающего со взгорий снег и открывающего огромное пространство, поросшее жёлтой, замерзшей травой, на которой теперь паслись стада баранов, лошадей и крупного рогатого скота. К этим стадам подходили часто группки аргали, массы серн или маралов и паслись в самом лучшем дружеском соседстве с наполовину одичавшим домашним скотом. Заснеженными степями тянулись насчитывающие по несколько тысяч голов стада диких козлов²⁵, перебираясь на новые пастбища, за ними шли массы волков, похищая отстающих от стад животных или нападая на табуны лошадей.

Оголодавшие лисы разыскивали среди глубоких снегов «коридоры», отрытые стаями куропаток, или подкрадывались с настоящим мастерством к дрофам²⁶, в одиночестве бегающим по заснеженным полям.

Торговля мехами выростала всё более. В руки китайских купцов переходили ворохи шкур: соболиных, лисьих, голубых белок, отсвечивающие серебром меха выдр, рыжевато-крапчатые шкуры рыси, бурые длинноволосые меха хорька и много других.

Часто видели охотников, возвращающихся с долгих охот, везущих на конях или верблюдах груды шкур: маральих, козлиных, волчьих или дзеренов (*лат. Gazella gutturosa*), связки ценных маральих рогов или мешочки, полные мускусных желез кабарги (*лат. Moschus moschiferus*).

Добыча шла в руки купцов, охотники же наполняли свои котомки рисом, сахаром, мукой и табаком, и снова двигались в степь или горы в поисках новой добычи.

В ясный морозный утренник в мою фанзу прибыл тусулакчи²⁷ Батор. Помощник местного сайта²⁸, большой мой приятель. После традиционного выкуривания трубок и молчаливого поглощения нескольких чашек чая началась беседа об актуальных вещах, а между тем и об охоте. Я рассказал Батору об охоте на медведя и лося в сибирской тайге, одновременно хваля прекрасное наличие этих зверей в Монголии.

²⁴ Карагана (*монг.*) – *Caragana jubata* (*лат.*), куст невероятно смолистый, хорош как топливо, излюбленный корм верблюдов.

²⁵ Козёл дикий – *Ibex sibirica* Mayer (*лат.*); янгир (*монг.*)

²⁶ Дрофа (*лат. Otis tarda*) – птица семейства дрофиных.

²⁷ Тусулакчи (*монг.*) – высокий монгольский чиновник, главным образом княжеского рода.

²⁸ Сайт (*монг.*) – князь-губернатор в Монголии, в данном случае из округа Улаангома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.